

ГЕРАКЛ

Перевёл с древнегреческого Вланес

АМФИТРИОН

Кому же не знаком жену деливший с Зевсом
Алкид Амфитрион, внук славного Персея,
когда-то в Аргосе отцом Геракла ставший?
Он в этих Фивах жил, где воины, как злаки,
над полем поднялись. Из них Арес немногих
живыми сохранил, и полон Кадмов город
потомством их детей. Здесь и Креонт родился,
он Менекеев сын, потом на трон взошедший.
Креонт же стал отцом блистательной Мегары,
и весь кадмейский род пел свадебные гимны
под звуки нежных флейт, когда герой великий,
Геракл, её привёл в мой дом высокородный!
Но из великих Фив, где я живу привольно,
ушёл мой зять и сын, покинул он Мегару,
и в славном Аргосе, творении Киклопов,
остаться захотел (а я бежал оттуда,
когда нечаянно убил Электриона).
Чтоб оправдать меня и в милый край вернуться,
зять Эврисфею дал невероятный выкуп –
всех чудищ истребил, не то стрекалом Геры
толкаемый вперёд, не то своей судьбою.
Он много совершил деяний многотрудных
и, наконец, ушёл сквозь Тенарон отверстый
к Аидовым вратам, желая пса тройного
на солнце вывести, но больше не вернулся.
Когда-то я слышал кадмейское сказанье
про Лика одного, женатого на Дирке,
он в городе царил вот этом семивратном
до воцарения двух братьев белокожных,
Зевесовых сынов, до Зефа с Амфионом.
Сын этого царя зовётся тоже Ликом,
но не кадмеец он, а выходец эвбейский.
Креонта он убил и захватил правление,
напав на город наш, болевший мятежами.
Мы узами родства повязаны с Креонтом,
и, видно, будет нам огромное несчастье!
Пока мой храбрый сын в подземных недрах бродит,
правитель новый, Лик, царящий тут жестоко,
детей Геракловых с его женой любимой
задумал истребить, и кровь очистить кровью,
да и меня убить (ему старик тщедушный
покоя не даёт). Боится он, что дети
за деда отомстят, как только возмужают!
Меня оставил сын присматривать за домом,

кормить его детей, пока в подземной бездне
он будет изнывать. Мы с матерью несчастной
пытаемся сберечь наследников Геракла,
сидим у алтаря спасительного Зевса,
алтарь же водрузил мой сын высокородный,
блистательно сломив нашествие минийцев.
Лишённые всего, мы держим это место,
без хлеба, без воды, и нам постелью служит
лишь голая земля. Дворец наш опечатан,
и мы сидим, сидим, не видя избавленья!
Где скопище друзей? Одни нас побросали,
другие же слабы, и нам помочь не могут.
Ужасен бич судьбы! Да не придётся людям,
которые ко мне хоть малость благосклонны,
так ловко проверять своих друзей на верность!

МЕГАРА

Старик, разрушивший тафийскую твердыню,
ведя на славный бой кадмейские войска,
мы, люди, ничего в делах богов не смыслим!
Беды не знала я, живя с моим отцом,
а он был и богат, и хвастал царской властью,
сопровождаемой крушеньем городов
и жадным натиском долгоразящих копий.
Благословен детьми, отец меня вручил
Гераклу твоему, и брак устроил громкий!
Теперь же всё мертво, всё улетело прочь,
и мы с тобой, старик, сопроводим под землю
Геракловых детей, которых под крылом,
как нежных птенчиков, я сохранить пытаюсь!
Они со всех сторон вопросы задают:
«Эй, мамочка! Скажи! Куда ушёл наш папа?
Он где? Когда придёт?» В наивности своей
всё ждут и ждут отца. Я сказки сочиняю,
пытаясь их развлечь. Ворота заскрипят,
а я уже дрожу, и дети прочь несутся
любимому отцу колени обнимать!
Старик, чего ты ждёшь? Какой ты нам готовишь
путь к избавлению? Подай же мне совет!
Границу пересечь мы тайно не сумеем
(там стражники стоят, они сильнее нас),
друзья нас не спасут, на это нет надежды.
А ты что думаешь? Пожалуйста, скажи!
Нам нужно убегать, иначе мы погибнем!
Ах, доченька моя! Совет в таких делах
непросто предложить, не надрывая сердце!
Давай помедлим тут. Мы немощны с тобой.
Ты мало ли страдал, что так привязан к жизни?
Ам. Люблю я эту жизнь, и полон я надежд.
Мег. И я за жизнь, старик! Но что мечтать о тщетном!

Ам. У нас один лишь путь – оттягивать беду.
Мег. Пока меня совсем тоска не растерзает!
Ам. Возможно, доченька, найдётся лёгкий путь
из этой черноты, нас плотно обступившей.
Придёт ещё мой сын, твой доблестный супруг!
Ты духом соберись, останови рыданье
напуганных детей, им сказку сочини,
пускай и жалкое, но всё же утешенье!
Бывает, иногда и беды устают,
и ветер штормовой утрачивает силу,
и благоденствие не длится без конца,
и вещи новые спешат на смену старым.
Отважный человек надеется всегда,
а трус теряется, и тем себя же губит!

ХОР

К высокостенному дворцу,
к тебе, измученный старик,
иду я, посохом вода,
и песню скорбную пою,
как лебедь, старый и седой!
Я – только голос, только тень,
бродящая в полночных снах,
но в дряхлом теле дух силен.
Ах, дети! Дети без отца!
Старик! И ты, бедняжка мать!
Ты мужа стонами зовёшь
из тьмы Аидовых домов!

Не утомляй свои ступни,
как жеребёнок под ярмом,
на каменистый горный склон
влекущий свой тяжёлый груз,
гремя ободьями колёс!
За пеплос, за руку держись,
когда дрожит, слабеет шаг!
Старик, веди же старика,
с которым вместе под копьём
ты в ранней юности стоял,
и славу родины своей
ни разу не покрыл стыдом!

Поглядите, как сверкают
эти детские глазища!
На отца похожи дети!
Несмотря на рок несчастный,
красота их не померкла!
Вместе с ними потеряешь
ты союзников, Эллада,
превеликих, превосходных!

Однако вижу я, что к этим славным стенам
уже подходит Лик, правитель государства!

ЛИК

Отцу Гераклову, его жене почтенной
хочу задать вопрос. Хоть я всего лишь царь,
уж разрешите мне потешить любопытство.
Вы долго будете толкаться на земле?
Чего вам ждате ещё? Какого избавленья?
Неужто их отец, лежащий в царстве тьмы,
на помощь прибежит? Как это недостойно,
с нытьём и стонами покинуть этот мир,
когда трезвонил ты по всей земле Элладской,
что Зевс тебе помог быть мужем и отцом!
А ты, супружница великого героя!
Ты разъясни-ка мне, в чём этот героизм?
Твой муж расправился с болотной гадюкой?
Немею посетил и там не силой рук,
но силою силков со зверем расквитался?
Вот ваши доводы? И должен я теперь
не посылать на казнь Гераклово потомство?
Отец их знаменит не мужеством своим,
но травлею зверей! В других делах бессилён,
он левою рукой ни разу щит не брал,
копьем не бил врага, но лук, оружие трусов,
по всей земле таскал, скрываясь от беды!
Ни мужество, ни дух не испытаешь луком,
а вот попробуй встать под вражеским копьем,
взрыхляющим твой ряд кровавой бороздой!
Пойми меня, старик! Я не бесстыжий зверь!
Мной движет здравый смысл. Я погубил Креонта,
отца твоей жены, и трон ваш захватил.
Я вовсе не хочу себе готовить кару
и в собственной стране выкармливать врагов!
Ам. Честь Зевсову, Геракл, пусть Зевс и защищает,
но я хочу, мой сын, словами доказать,
что этот человек совсем тебя не понял,
и срезать на корню всю эту клевету!
Начну с отвратного (по-моему, отвратно
и нагло утверждать, что ты труслив, Геракл)!
Я защищу тебя! Свидетели мне боги!
Зову я Зевсов гром, зову я четверню,
которой правил Зевс и молнией крылатой
бока детей Земли, Гигантов, прожигал,
а после славный пир для всех богов устроил!
Кентавров яростный, четвероногий род
в Фолое посети, ты, худший из тиранов,
и там спроси у них, кто в мире всех смелей!
Не сын ли это мой? А ты так не считаешь?

Ты Абантидов край, ты Дирфия проси
тебе воспеть хвалу! И что в ответ услышишь?
Каким деянием прославил ты свой дом?
Ты лук со стрелами, мудрейшее творенье,
дерзаешь упрекать? Я дам тебе ума!
Боец, держащий строй, зависит от оружия
всецело, словно раб. Едва прорвётся строй,
боец длиной копья отъединён от смерти,
и если рядом с ним стоят не храбрецы,
то он теряет жизнь за чьё-то малодушие.
А кто в своей руке сжимает меткий лук,
тому вольней всего. Лавину стрел пуская,
он воинством друзей от смерти ограждён.
Стоит он далеко и бьёт врагов, глядящих
внимательно вокруг, невидимой стрелой.
Не должен он идти опасности навстречу,
он цел и невредим. Подобный путь в бою
разумней всех других – разить врагов нещадно,
себя же не держать на якоре судьбы!
Как видишь, мы с тобой не сходимся во мнениях,
и этот вечный спор нельзя нам разрешить.
Ты про детей скажи. Зачем ты губишь бедных?
Что сделали они? Ты мудрый только в том,
что, сам ничтожество, пугаешься потомства
достойнейших людей! Но как нам тяжело,
быть трусостью твоей приговорённым к смерти!
Из наших, лучших рук ты получил бы смерть,
когда бы Зевс к нам был немного справедливей!
Но если царский жезл ты хочешь удержать,
то выгони нас прочь, изгнанниками сделай!
Ты зла не причиняй, чтоб жертвой зла не стать,
когда верховный бог твой ветер переменит!
Ну вот...
Кадмейская земля, и ты теперь прими
тяжёлые слова, обидные попреки!
Так защищаешь ты Геракла и детей?
А ведь герой, один, пошёл на всех минийцев
и очи наших Фив свободой озарил!
Не стану я молчать и про позор Эллады,
не заступившейся за сына моего
и этих птенчиков огнём, копьём, секирой
не ставшей отбивать, чтоб сыну заплатить
за чистоту морей, за процветанье суши!
Ни Фивы, деточки, не смогут вам помочь,
ни царства эллинов! А я вам друг ничтожный,
я только шорох слов, слетевших с языка!
Нет сил уже во мне, какие прежде были,
а тело дряхлое немеет и дрожит!
Вернуть бы молодость, поднять копье тугое
и кудри светлые трусливого врага

измазать багрецом, и пусть бежит мерзавец
за царство Атласа, на самый край земли!

Хор
Хороший человек всегда умом блистает,
хотя бы речь его и медленно лилась!

Лик
Давай, хлещи меня высокомерной речью,
о дерзости своей ты горько пожалеешь!
Рабы, на Геликон! К расщелинам Парнаса!
Там лесу нарубить велите дровосекам,
и пусть они дрова несут сюда, на площадь,
вы ими, как стеной, алтарь огородите
и подожгите их, спалите всех мерзавцев,
и пусть они поймут, что этим государством
владеет не мертвец, но я, живой правитель!
А ты, предательский, со мною несогласный
хор злобных стариков, ты не детей Геракла
оплакивать начнёшь, но собственную долю
и свой родной очаг! Вам нужно крепко помнить,
что вы мои рабы, а я ваш повелитель!

Хор
О, тучный злак земли! Живой посев Ареса,
лишившего зубов свирепый зев драконий,
воздень же посохи, опоры правых дланей,
исторгни алый дождь из головы злодея,
подонка, подлеца, и даже не кадмейца,
пришедшего сюда, чтоб нашим царством править!
Но радости тебе от уз моих не будет,
и ты не отберёшь плоды моих стараний!
Пошёл отсюда прочь! В своей стране бесчинствуй!
Пока есть дух во мне, убить я не позволю
Геракловых детей! Герой ушёл под землю
не так уж глубоко, чтоб к детям не вернуться!
Ты этою страной губительно владеешь,
а тот не получил заслуженной награды!
Не много ль на себя беру я, помогая
безвыходным делам утраченного друга?
О, правая рука! Копья, копия ты просишь,
но слабостью своей желанье битвы губишь!
Я вырвал бы язык, меня рабом зовущий,
вернул бы прежний блеск моим любимым Фивам,
где ты, злодей, цветёшь! Но город наш глупеет,
болея мятежом и скверным помышленьем,
иначе он царём тебя бы не поставил!

Мег.
Спасибо, старики! Воспламеняться гневом
в обиде за друзей пристало добрым людям,
однако, ради нас кидаясь на тиранов,
не претерпите зла! Амфитрион, послушай!
Возможно, некий вес в моих словах найдётся.
Да, я люблю детей! Неужто это странно,
ведь я их родила, кормила, поднимала!
Да, мне ужасна смерть! Но я глупцом считаю
того, кто норовит сломить необходимость!

Раз нужно умереть, хотя бы не позволим,
чтоб нас пожрал огонь, на смех врагам жестоким,
по мне, такое зло гораздо хуже смерти!
Мы все в большом долгу пред нашим славным родом,
ты вспомни, ты ведь был достойным ратоборцем,
тебе никак нельзя погибнуть смертью труса!
Супругу моему свидетелей не нужно,
герой всегда велик, и он бы отказался
спасать своих детей ценою их бесчестья –
попрание детей позорит кровь отцову!
Я тоже не уйду от подражанья мужу,
и вот что заявлю про все твои надежды.
Ты думаешь, твой сын из-под земли вернётся?
Ты видел мертвецов, пришедших из Аида?
И этого скота смягчишь ли ты словами?
Ничуть! Нам всем бежать от нечестивца нужно
и сдаться мудрецам, великодушным людям,
с такими ты скорей согласишься достигнешь!
Я много думала о том, как нашим детям
изгнание испросить, но ведь и это плохо –
мытарства нищеты к спасению прибавить!
Недаром говорят, что на гостей-скитальцев
хозяин только день взирает благосклонно.
Умри же с нами, друг! Мы смерти не избегнем!
Я к твоему, старик, взываю благородству!
Кто бьётся с участью, ниспосланной богами,
тот полон храбрости, но храбрости безумной!
Того, что суждено, усилием не изменишь!
Хор Когда бы мощью рук владел я, как бывало,
легко бы я пресёк бесчинства лиходея,
но я теперь ничто! Поэтому ты должен
пробить, Амфитрион, стальную стену рока!
Ам. Не малодушие, не страсть к унылой жизни
мешает мне уйти, но я потомство сына
желаю защитить, хоть это невозможно!
Ну что же, посмотри! Вот меч, а вот и горло!
Руби, кромсай меня! Швыряй меня с утёса!
Тебя прошу я, царь, лишь об одной услуге,
нас первыми убей! Нам с матерью несчастной
не надобно смотреть, как дети погибают
от нечестивых рук, зовя и мать, и деда
с последним выдохом! А там твори, что хочешь!
Мы с этой женщиной бессильны против рока!
Мег. И я тебя молю добро добром упрочить
и милостью двойной уважить нас обоих,
позволь мне на детей надеть одежды мёртвых,
войдя в родимый дом, откуда нас изгнали,
ты малых не лишай хоть этого наследства!
Лик Не буду. Эй, рабы! Откройте двери дома!
Иди, одень детей! Мне пеплосов не жалко!

Мег. Когда нарядитесь, приду я к вам обратно
и всех одной толпой в подземный мир отправлю!

Ступайте, милые, за матерью несчастной
в дом вашего отца, где всё добро, все вещи
другим принадлежат, а вам одно название!

Ам. О Зевс, тогда мы зря супругу поделили!
Напрасно мы с тобой хвалились общим сыном!
Ты друг нам не такой, каким считался раньше!
Ты величайший бог, но доблестью я выше!
Геракловых детей предать я не посмел бы!
Ты в спальню смертного прокрался неприметно,
с чужой женой возлёл без разрешенья мужа,
но вот, спасти друзей ты явно неспособен!
Ты если не злодей, то жалкая бездарность!

Хор Вслед за светлыми песнями
Феб играет печальные
на кифаре изысканной
плектром – стонущим золотом,
но под землю ушедшего
к мёртвым, тьмою окутанным,
сына то ли Зевесова,
то ли Амфитрионова
я венцом красноречия
увенчаю торжественно.
Благородные подвиги
украшают покойников.

Он из рожи Зевесовой
льва убрал кровожадного,
и под пастью зияющей
шкуры, на спину брошенной,
спрятал светлые волосы.

Он кентавров разнузданных,
племя горное, дикое,
смял крылатыми стрелами,
лук сгибая убийственный.
То Пеней, плавно льющийся,
ясно видел, и пажити
с урожаем растоптанным,
и луга пелионские
под Гомолой пещеристой,
где кентавры Фессалию,
отягчив руки соснами,
разорить вознамерились.

Он и лань златорогую,
пестроспинную, сильную,
поселян обеднявшую,

изловил в честь охотницы
и энойской владычицы.

В колеснице прядающей
обуздал он прожорливых
лошадей Диомедовых,
рвавших мясо дрожащее
в яслях, кровью забрызганных,
наслаждавшихся радостно
грудой тел человеческих.
Пересёк он и Гебровы
берега среброструйные
для тирана микенского.

Под горой Пелионскою,
у анавских источников
Кикна-гостегубителя
уничтожил он стрелами,
дикаря амфанейского.

К девам, сладким напевами,
в сад пробрался он западный,
там плоды золотистые
с пышных яблонь он стряхивал,
змея огненноспинного,
обвивавшего яблони,
уничтожив безжалостно.
И пучину солёную
сделал тише, спокойнее
для гребцов многоопытных.

Он руками нащупывал
сердцевину небесную,
дом Атлантов, и доблестно
звёздный град небожителей
крепким телом поддерживал.

К отрядам конных амазонок,
живущих возле Меотиды,
полноприбойной, многорекой,
он прибыл по волнам эвксинским,
друзей собрав со всей Эллады,
чтоб у воинственной царицы
отнять золототканый пояс,
так много гибели принёсший!
Взяла у варварки суровой
Эллада славную добычу,
и вот, хранит её в Микенах.

Он тело гидры многоглавой,
свирепой хищницы лернейской,
спалил огнём до горстки пепла.
Он ядом гидры смазал стрелы,
от них же этот мир покинул
пастух трёхтельный, эрифийский.

Он победил во многих битвах,
и, наконец, отплыл ко входу
в Аид, сочащийся слезами,
где жизнь утратит он, страдалец,
и больше к свету не вернётся!
В родимом доме нет ни друга,
а всех детей весло Харона
умчит от жизни безвозвратно,
и незаконно, и безбожно!
Твой дом тебя зовёт напрасно,
ты отошёл, пропал навеки!

Ах, был бы я могучим, юным
и потрясал копьём упругим
в отряде сверстников кадмейских!
Я за детей бы заступился –
но я теперь утратил силы,
лишился юности счастливой!

Посмотрите, как молча выходят
облачённые в саван
дети славного прежде Геракла!
Их выводит супруга героя,
заставляя идти рядом с нею!
Там и старый родитель Геракла!
Как ужасно всё это!
Невозможно мне сдерживать слёзы,
затопившие дряхлые веки!

Мег. Ну что же... Кто тут жрец? Кто бедных нищих режет?
Кто душу от меня отъединит кинжалом?
Вот! Жертвы собрались, готовые к Аиду!
Как плохо впряжены мы в колесницу смерти!
Тут дети, матери, тут немощные старцы!
Безжалостна судьба ко мне и этим детям,
которых я теперь в последний раз увижу!
Для наглости врагов я, видно, вас рожала,
для надругательства, и гнева, и злорадства!
Как тошно мне...
Совсем рассыпались прекрасные надежды,
с губ вашего отца подхваченные мною!
Тебе, как старшему, он завещал бы Аргос,
а ты бы управлял всем домом Эврисфея,

царил в Пеласгии, прекрасной, плодородной!
Он голову твою покрыл бы львиной шкурой,
которую он сам своим доспехом сделал!
А ты бы стал царём в прекрасноконных Фивах
и унаследовал мои родные земли,
ты сам их у отца выпрашивал так часто!
И палицу свою тебе влагал он в руку,
искусно тёсанный, обманчивый подарок!
Тебе он обещал Эхалию в наследство,
навек смирённую дальнеразящим луком!
Вас трое у него, и трижды к царской власти
вознёс бы вас отец, чтоб ваша доблесть крепла!
А я бы вам невест искусно выбирала,
готова вам родство с Афинским государством,
со Спартой, с Фивами, чтоб вы стояли прочно
в счастливой гавани на кормовых канатах!
Всё кончено теперь! Судьба перевернулась,
и Керы страшные невестами вам будут,
а слёзы матери – венчальным омовеньем!
Дед пиром свадебным почтит женитьбу вашу,
и тестем назовёт угрюмого Аида!
Ах, боже праведный! Кого обнять мне первым,
кого из вас почтить последним поцелуем,
кого к себе прижать? Я выпью ваши слёзы,
как шумная пчела на златобурых крыльях,
и, выпив, изолью одним сплошным потоком!
Любимый мой Геракл! Едва ли смертный голос
в Аиде зазвучит, но я к тебе взываю!
Отец твой обречён! И сыновья погибнут!
И я, кому ты дал блаженство в мире смертных!
Приди! Спаси нас, муж! Явись хотя бы тенью!
Примчись к нам призраком! И этого довольно,
чтоб отпугнуть зверей, ползущих к нашим детям!
Ты женщина, ступай, готовься к погребенью,
а я тем временем воздену к небу руки,
молясь тебе, о Зевс, чтоб ты об этих детях
заботу проявил, ведь скоро будет поздно!
Я часто звал тебя. Напрасное старанье!
Мне кажется, что смерть уже неотвратима!
Эй, старые друзья! Как мало этой жизни!
Старайтесь проводить всё время в наслажденьях,
пускай и день, и ночь проходят беспечально!
Надежды смертных душ не замечает время,
но улетает прочь своим путём бесследным.
Взгляните на меня! Я был таким известным,
таким прославленным! Всё отнято судьбою,
всё за день унеслось, как пёрышко по небу!
Не знал я никого, кто был всегда доволен,
и счастлив, и велик. Соратники, прощайте!
Вы друга своего в последний раз видали!

Ам.

Мег. А!
Кто там идёт, старик? Мой муж? Мой драгоценный?
Ам. Не знаю, доченька! Все мысли разбежались!
Мег. А как же говорят, что он ушёл под землю?
Быть может, это тень, поднявшаяся к солнцу?
Мне страшно! Что сказать? Что это за виденье?
Кто это? Только он! Старик, твой сын вернулся!
Хватайтесь, деточки, за край плаща отцова!
Скорее, милые! Вы плащ не отпускайте!
Спаситель вам отец! Лишь он, помимо Зевса!

ГЕРАКЛ

Ну, здравствуй, милый дом! Привет, врата родные!
Как рад я видеть вас и этот белый свет!
Что это? Не пойму! Все дети у порога,
зачем-то в саванах, на каждом по венку,
вокруг толпа людей, в толпе моя супруга,
отец мой плачущий... Что здесь произошло?
Давай-ка подойду и всё у них узнаю.
Жена, что тут стряслось? Что в доме за беда?
Мег. О, лучший из людей! <Ам.> О, свет очей отцовых!
<Мег.> Ты вовремя пришёл спасти семью от смерти!
Гер. О чём ты? Что с тобой? Что тут за крик, отец?
Мег. Конец приходит нам! А ты, старик, не сетуй
на то, что за тебя ответить я посмела!
Возможно, женщины острее мужчин страдают,
а смерть моих детей и мне готовит гибель!
Гер. Что за вступление! Блаженный Аполлон!
Мег. И мой старик-отец, и братья – все погибли!
Гер. Мой тесть? А почему? Он чьим копьём убит?
Мег. Правитель новый, Лик, его толкнул в могилу!
Гер. Они в бою сошлись? А болен ли народ?
Мег. Болеет мятежом град Кадмов семивратный!
Гер. А вам со стариком зачем же трепетать?
Мег. Злодей убьёт меня! Убьёт отца и деток!
Гер. Да что ты говоришь? Боится он сирот?
Мег. Не хочет он потом платить за смерть Креонта!
Гер. А дети? В чём они? То саваны на них?
Мег. Надели мы уже посмертные наряды!
Гер. И вас ведут на смерть? О, боги! Горе мне!
Мег. Друзья нас предали! Нам ввали, что ты умер!
Гер. Откуда же пришла безрадостная весть?
Мег. Её нам принесли посланцы Эврисфея!
Гер. Вы бросили мой дом? И мой очаг? Зачем?
Мег. Нас вынудил тиран! Отца с кровати скинул!
Гер. Совсем он обнаглел! Бесчестить старика!
Мег. Всё так! Он разведён с богиней благочестья!
Гер. Как я в скитаниях друзьями обеднел!
Мег. Какие там друзья, когда приходит горе!
Гер. Им, значит, наплевать, что я минийцев сверг?

Мег. Я говорю тебе, с несчастными не дружат!
Гер. Срывайте же венки! Забудьте пир Аидов!
Глазами пейте свет! И вместо тьмы подземной
вбирайте всей душой чудесный дар спасенья!
Иду я выполнять ещё одну работу,
сначала разнесу дом выскочки-тирана,
отрежу голову бесстыжему злодею,
а тело брошу псам! Потом я тех кадмейцев,
что мне вернули зло за все благодеянья,
моим оружием смету победоносным!
Других же разорву потоком стрел пернатых,
наполню весь Исмен их нечестивой кровью,
и Дирка чистая заблещет красной пеной!
Кому же помогать, как не жене любимой,
не детям, не отцу? Вы, подвиги, прощайте!
Я зря геройствовал, семьёй пренебрегая!
Я должен защитить моих детей от смерти,
от казни за отца! Что толку мне бороться
то с гидрой, то со львом, служа у Эврисфея,
а собственных детей, стоящих под кинжалом,
оставить умирать? Могу ли я Гераклом,
великим воином, как прежде, называться?

Хор Поступок правильный – помочь и милым детям,
и старому отцу, и преданной супруге!

Ам. Ты по природе, сын, к друзьям великодушен,
а к недругам суров! Но не спеши с расправой!

Гер. Где видишь ты, отец, излишнюю поспешность?

Ам. Оравы бедняков, желающих богатства,
негодному царю союзниками стали,
посягли мятеж, и разорили город,
и стали помышлять о грабеже соседей,
имущество своё беспечно растранив!
Тебя заметили, как ты явился в город,
и могут заманить в смертельную засаду!

Гер. Какое дело мне! Пусть весь народ глазееет!
Но птицу я видал на месте несчастливом
и понял, что беда в моей семье случилась,
поэтому решил явиться неприметно.

Ам. Понятно. Помолись пред Гестией родимой,
пускай отцовский дом в глаза твои заглянет!
Царь сам придёт сюда твою жену зарезать,
потомство истребить, да и меня прикончить.
Оставшись во дворце, ты всё легко уладишь
и цел останешься. Не нападай на город,
покуда здесь, мой сын, не завершилось дело!

Гер. Я так и поступлю. Ты прав! Останусь дома!
Придя с таким трудом из мрачных недр Аида,
от Коры мертвенной, нельзя не поклониться
домашним божествам, не оказать им чести!

Ам. А ты и правда, сын, спустился в дом Аидов?

Гер. Спускался. И привёл трёхглавое исчадьё.
Ам. Ты взял его в бою? Богиня подарила?
Гер. В бою. Мне повезло, что был я посвящённым.
Ам. И этот зверь сейчас в покоях Эврисфея?
Гер. Он в роще Хтони, в пределах Гермियोны.
Ам. Не знает Эврисфей, что ты поднялся к свету?
Гер. Не знает. Я решил сначала вас проведать.
Ам. А почему ты был так долго под землёю?
Гер. Отец, я вызволял Тесея из Аида!
Ам. И где твой друг теперь? Ушёл в родные земли?
Гер. В Афины поспешил, безмерно рад спасенью.
Ну, дети, вы теперь с отцом домой идите!
Моё прибытие, конечно же, вам слаще
ухода моего. Вы с духом соберитесь,
не надо лить из глаз мерцающие струи!
А ты, моя жена, дыши уже свободней,
довольно трепетать и теревить мой пеплос,
нет крыльев у меня, чтоб улететь из дома!
Гляди-ка!
Они ещё сильнее хватаются за пеплос!
Я вижу, вы и впрямь стояли под кинжалом!
Придётся их тащить, как судно тащит лодки,
скреплённые рядком! Я кровь мою не брошу!
Что там ни говори, в одном все люди схожи,
все любят чад своих, и властелины мира,
и полные нули! Те нищи, те богаты,
но все уравниены своей любовью к детям!

Хор
Как я любил быть молодым!
Как мне гадка старость моя,
вот она жмёт, плющит виски,
словно скала Этны седой,
чтобы из глаз выдавить свет!
Ни на роскошь азийских стран
и богатства любых царей,
ни на грузный от злата дом
я бы юность не променял!
Как прекрасно быть молодым
что в богатстве, что в нищете!
Как ты, старость, горька и зла!
Как тебя ненавижу я!
Потонула бы ты в морях,
не вползая в дома людей,
рассекла бы крылом эфир
и носилась бы там всегда!

Если бы ум был у богов
точно такой, как у людей,
то, посвятив душу добру,
мы бы могли юность вернуть.

Смерть испытав, мы бы взошли,
устремились к дневным лучам,
совершая двойной пробег,
а злодеям один лишь раз
выпадал бы звериный век.
Этим добрых людей от злых
можно было бы отличить,
как число путеводных звёзд
различает во мгле моряк.
Но границ меж добром и злом
не поставили божества,
оттого-то всю нашу жизнь
лишь к богатству стремимся мы.

Не прекращу Муз и Харит
я называть родом одним,
самым благим и дорогим!
Я не в стаде хотел бы жить,
но в содружестве высших душ!
Я, старик, начинаю петь,
Мнемосίνу будя стихом!
О Геракле мой звучный гимн,
о великих его делах!
Дай мне, Бромий, своё вино!
Семиструнная лира, пой
под разливы ливийских флейт!
Буду вечно я танцевать
в хороводе прекрасных Муз!

Девы идут в радостный храм,
гимном будя Делос родной,
славя живым танцем своим
сына Лёто, зарю богов!
В этом храме и я спою,
старый лебедь, седой певец,
напрягая мой дряблый рот!
Лучший повод у нас теперь
исполнять превосходный гимн!
Вышей доблестью Зевсов сын
даже племя богов затмил
и трудами своими спас
жизнь людей от свирепых бурь,
всем чудовищам кровь пустив!

Лик

Эй ты, Амфитрион! Всё, хватит! Выходите!
Вы долго возитесь! Довольно умащаться
и украшать себя нарядом погребальным!
Зови сюда детей! Зови жену Геракла!
Пусть выйдут на порог и смертью добровольной,
как было решено, закончат наше дело!

Ам. Гневлив ты, господин! Ты сильно унижаешь
и топчешь старика, утратившего сына!
Спеши умеренно, пускай ты и правитель!
Я должен умереть, как ты повелеваешь,
и, значит, я умру! Приказ твой непреложен!

Лик Мегара, где она? И где приплод Алкмены?

Ам. Насколько мне видать с высокого порога...

Лик О чём ты говоришь? Чего ты там увидел?

Ам. ...вдова теперь сидит у Гестии священной...

Лик И сыплет на очаг напрасные молитвы?

Ам. Напрасные слова к погибшему супругу!

Лик Которого там нет и никогда не будет!

Ам. Возможно, некий бог вернёт ему дыханье...

Лик Давай! Иди за ней! Веди её из дома!

Ам. Боюсь я сделаться участником убийства!

Лик Ну что же! Раз тебя так сильно гложет совесть,
я сам пойду вовнутрь и мать с детьми доставлю!
Я, видишь, не боюсь! Вперёд! За мною, слуги!
Закончим долгий труд! Порадуемся вместе!

Ам. Ну что ж, иди, трудись... А там тебе помогут
работу завершить. За зло ты зло получишь,
вот этого и жди! Да, старцы! Посмотрите,
как бодро он спешит к засаде меченосной,
к раскинутым сетям! Как жаждет нашей смерти
прегадкий человек! За ним и я отправлюсь,
хочу я посмотреть, как он падёт на землю!
Приятна смерть врага, понёсшего расплату!

Хор – Изменчиво зло! Недавний тиран
шагнёт навсегда в Аидову пасть!
Да-да!
Ему не уйти от кары богов!
– Идешь ты, наконец, расплачиваться жизнью
за травлю тех людей, которых ты не стоишь!
– Как слёзы текут из радостных глаз!
Вернулся герой!
А я ведь о том и думать не смел!
Царь нашей земли!
– Пойдёмте, старики! Посмотрим, как мерзавец
погибнет во дворце по моему желанью!

Лик *(изнутри дома)*
Ах, боже мой!

Хор – Как песня его под сводом дворца
ласкает мне слух! Подонку конец!
Тот крик
уже предвестил убийство царя!

Лик *(изнутри дома)*
О, Кадмова земля! Как я коварно гибну!

Хор

– И гибнешь правильно! Ты многим смерть готовил,
так что давай, терпи достойное возмездье!
– Но кто же ещё так мерзко чернил
блаженных богов
и злой клеветой посмел оскорблять
их высшую власть?
– Нет больше, старики, безбожного злодея!
Всё тихо во дворце! Давайте же попляшем!
Спаслись мои друзья по моему желанью!

Танцуй, танцуй,
пой на пирах, священный град!
Празднуй, ликуй, фиванский люд!
Уже прошло время для слёз!
Уже прошло время для бед!
<Горестный стон> сменила песнь!
Погиб тиран, и прежний царь взошёл на трон,
покинув ночь, и топкий плёс, и Ахеронт!
Явился царь, а я о том и не мечтал!

Богам, богам
виден разрыв меж двух сердец,
полным греха и чтущим свет.
Богатство, лоск, бранный успех
топят во тьме разум людской,
тянут к нему грязную власть!
Но человек не признаёт коварства дней!
Презрев закон, плодя вражду, он сам трясёт
свой чёрный воз, в котором он везёт успех!

Украшайся венком, Исмён!
Мостовые, пускайтесь в пляс,
веселя семивратный град!
Лента Дирки, узор лугов!
Асопиды, собранье нимф!
Исходите из волн отца,
пойте с нами! Услышь, Геракл,
как мы славим твой дивный бой!
Ты, лесистый пифийский кряж,
древний дом геликонских муз!
Вы излейте весёлый крик
на мой город, на цепи стен,
за которыми проросла
меднощитная рать бойцов,
от неё же из рода в род
брызжет Фивам священный свет!

Славьтесь, родственники-мужья,
человек и верховный бог!
Вас когда-то в свою постель

дочь Персеева приняла!
В этот странный рассказ, о Зевс,
я поверил уже давно,
показало и время нам,
как блистает Гераклов дух!
Встал герой из подземных недр,
покидая Плутонов дом.
Здесь наш царь! Он совсем не тот
низкородный, дрянной тиран,
только что показавший всем
в состязании на мечах,
благосклонно ли с высоты
смотрят боги на честный бой!

– Что это? Что?
Глядите, старики! От ужаса дрожите!
То призрак, правда ведь? Парит над крышей дома!
– Бежим! Бежим!
Торопим дряхлый шаг! Скорей! Уносим ноги!
– О, царь Пэан!
Спаси меня, прошу! Избавь меня от горя!

ИРИДА

Спокойно, старики! Со мной дочь Никты, Лисса.
Я вестница богов. Меня зовут Ирида.
Пришли мы навредить не городу, но дому
всего лишь одного прославленного мужа,
потомка Зевсова, рождённого Алкменой!
Пока он выполнял прегорькие задания,
сам рок щадил его, и Зевс бы не позволил
героя ущемить ни мне, ни даже Гере!
Но вот, завершены приказы Эврисфея,
и Гера новый бич – кошмар детоубийства
готовит в этот час, и я согласна с нею!
Давай, сожми комком безжалостное сердце,
дочь Никты смоляной, безбрачная богиня,
зови безумие, желанье детской крови,
неукротимость ног, смятение рассудка!
Отвязывай скорей кровавую верёвку!
Пусть герой пошлёт по водам Ахеронта
венки из детских душ на почерневшей лодке,
пусть почувствует ожесточенье Геры
и мой палящий гнев! Не покарав злодея,
мы умалим богов и возвеличим смертных!

ЛИССА

Я рождена была от крови благородной,
отец мой – сам Уран, а мать – благая Никта.
Мой дар особенный – не злобствовать на ближних,
и я в дома друзей вступаю без охоты.

Я с Герой и тобой, пока ещё не поздно,
хочу поговорить. Послушайте, богини!
Вы натравляете меня на человека
не безызвестного ни на земле, ни в небе.
Нехоженым краям, пучине океанской
принёс он и покой, и богопочитанье,
почти погибшее под лапами гигантов!
Я вам советую не истязать героя!

Ир. Ты не больно беспокойся о делах моих и Геры!
Лис. Я хочу ваш путь направить не ко злу, но к примиренью!
Ир. Не для этих увещаний ты нужна супруге Зевса!
Лис. Гелиос! Ты всё запомни! Я пришла не добровольно!
И, однако, если надо сослужить вам с Герой службу,
я пойду! Ни бездна моря, ни стенающие волны,
ни кошмар землетрясения, ни летучий пламень молний
не сравнятся с нападением сил моих на грудь Геракла!
Я разрушу крышу дома, разбросаю эти стены!
На детей сначала кинусь, и преступник осознает,
что убил своё потомство, лишь когда безумье схлынет!
Вон трясёт он головою, как бегун, сигнала ждущий,
водит страшными глазами, молчаливо, иступлённо,
не смиряя вздохов шумных, словно бык в начале боя,
и мычаньем Тартар будит, чтобы Керы с ним помчались,
как с охотником собаки, на кровавую охоту!
Скоро мы с тобой попляшем, насладимся страшной флейтой!
Ты лети на пик Олимпа, благородная Ирида,
ну а я теперь проникну в дом великого Геракла!

Хор Ах, горе! Стенай! Сын Зевса сражён!
Свет нашей страны! Цветок без корней!
Эллада, горюй! Твой друг обречён
погибнуть, пропасть под хохот судьбы,
кружащейся в танце!

Она летит на колеснице, и кричит,
и ранит спины лошадей
своим стрекалом кровожадным,
Горгона, дочь Никты, в стозмейном, шипящем венце,
ужасная Лисса с безумным, блистающим взором!

Как быстро вам бог судьбу изменил!
Как быстро детей погубит отец!

<Ам.>

(изнутри дома)

Всё! Кончена жизнь!

Хор

Ты видишь ли, Зевс? Бездетный твой сын
безумием Пэн, коварных, чумных,
низвергнут во зло!

Ам.

А, бедный дворец!

Хор

Танцуй, хоровод! Но где же тимпан?

Ам. Где шумный восторг и Бромиев тирс?
А, бедный наш дом!
Хор Там кровь на земле, не сок из гроздей,
которым почтён Дионис, наш бог!
<Ам.> Прочь, дети! Бежим! <Хор> Смертельную песнь,
кровавую песнь играет свирель!
Настигли детей! Как Лисса кричит!
Недаром она вошла в эту дверь!
<Ам.> А, горькая жизнь!
Хор Ай-ай! Бедный дед, бездольный старик!
И бедная мать, родившая зря
прекрасных детей!
Гляди же! Гляди!
Смерч крышу сорвал! И стены дрожат!
Ам. Зевесова дочь! Паллада! Зачем
трясётся весь дом, как тот Энкелад,
ввергаясь во мрак?

ВЕСТНИК

Вест. Седые старики! <Хор> Чего ты к нам взываешь?
Там, в доме, суший ад! <Хор> Не надо быть провидцем,
чтоб это понимать!
Вест. Убиты дети! Все! <Хор> Ай-ай! <Какое горе!>
<Вест.> Стенайте! Правильно! <Хор> А! Страшная погибель
от страшных рук отца!
Вест. Всех наших горестей не передать словами!
Хор Но как он беду, такую беду
навлёк на детей?
И как, расскажи, разрушен был дом
по воле богов? И как на детей
накинулся рок?
Вест. Животных привязав у алтаря Зевеса,
мы очищали дом, Гераклом осквернённый,
пока убитый царь лежал в пыли, за дверью.
К нам дети подошли толпой весьма красивой,
Мегира, и старик. Мы начали с корзинкой
алтарь наш обходить в молчаньи богочтимом.
Но с факелом в руке, уже в сосуд священный
почти опущенном, великий сын Алкмены
вдруг замер и затих. Недоумённо дети
глядели на отца, уже совсем чужого.
Безумные глаза вращались, пламенея,
как алые шары, багряной сетью жилок,
и с пышной бороды стекали капли пены.
Тут он заговорил со смехом сумасшедшим:
«Отец мой, но зачем до казни Эврисфея
священный жечь огонь? Зачем трудиться дважды?
Одна моя рука закончит оба дела!
Я голову снесу подонку Эврисфею,

тогда от всех убийств и буду очищаться!
Всю воду выплеснуть! Корзинки на пол бросить!
Кто лук мне принесёт? Кто палицу протянет?
Микены, вот он я! Иду с кайлом и ломом!
Стальными крючьями я раскидаю город,
который молотом и пурпурным отвесом
до самых облаков Киклопы возводили!»
Подпрыгнул он и встал, как будто в колеснице,
и принялся махать невидимым стрекалом
над головами слуг, а им смешно и страшно,
и говорят они, смотря в глаза друг другу:
«Нас дразнит господин? Он в здравом ли рассудке?»
А он туда-сюда по комнатам блуждает,
идёт в мужской покой и там кричит, что прибыл
в столицу Нисову, оттуда в зал заходит,
и на пол валится, и будто бы ложится
за пиршественный стол, но, тут же поднимаясь,
бормочет, что спешит к лесистым долам Истма,
потом срывает плащ, и, голый, начинает
бороться с пустотой, потом стоит, ликуя,
провозглашая нам прекрасную победу,
потом, вообразив, что прибыл он в Микены,
ужасной руганью он кроет Эврисфея.
Отец его схватил за мощное предплечье
и говорит: «Сынок! Что это за причуды?
Неужто духи жертв, убитых в этом доме,
свели тебя с ума?» Герой же, полагая,
что это Эврисфей взывает о пощаде,
толкает старика, тугой колчан хватает
и, думая казнить семейство Эврисфея,
разит своих детей! А те, трясясь от страха,
несутся кто куда: тот прячется за пеплос
несчастной матери, а тот под тень колонны,
другой под алтарём сжимается, как птенчик!
А мать кричит: «Супруг! Зачем ты убиваешь
детей? Ты что творишь?» И дед кричит, и слуги!
А тот за мальчиком бежит вокруг колонны,
и, вывернув ступни в ужасном повороте,
встаёт лицом к лицу и бьёт стрелою в печень!
Ребёнок падает, пятная кровью камни,
а наш боец вопит в неистовом восторге:
«Смотрите, как упал зверёныш Эврисфеев,
как платит он, щенок, за ненависть отцову!»
И вновь берёт стрелу, и к алтарю несётся,
где следующий сын скрывается напрасно.
Перед отцом своим бедняжка на колени
встаёт и тянется то к бороде, то к шее:
«Любимый папочка! Не надо! Умоляю!
Не надо! Я твой сын! Лишь твой, не Эврисфея!»
А тот, определив своим горгоньим взглядом,

что для жестоких стрел не хватит расстоянья,
как истовый кузнец у жаркой наковальни,
вздывает палицу над златокудрым сыном
и сносит лоб ему! Покончив с этой жертвой,
он хочет принести теперь уже и третью,
но мать несчастная кидается к ребёнку,
и тащит в комнату, и двери запирает!
Герой же, будто впрямь идя на град Киклопов,
сметает косяки, разламывает брусья
и меткою стрелой пронзает мать и сына!
Потом на старика кентавром очумелым
бежит, но тут вошла, как всем нам показалось,
Паллада, при копье и в шлеме пышногривом,
и камень как метнёт, как стукнет в грудь Геракла,
и тот из бешенства, из дикой жажды крови
в беспамятство летит! Безумец рухнул на пол,
спиной к подножию расколотой колонны,
переломившейся, когда упала крыша.
Тогда вздохнули мы, и прекратили бегство,
и помогли отцу кручёною верёвкой
героя привязать к стоящей половине,
чтоб он, придя в себя, уже не смог прибавить
злодейства новые к недавно совершённым!
Теперь несчастный спит, и сны его несчастны,
убил он и жену, и всё своё потомство,
я в жизни не встречал подобного страдальца!

Хор

Кровавый кремён аргосской горы,
потрясший сердца элладских племён
грехом Данаид!
Но ты превзошёл всё прошлое зло!
Ах, бедный ты наш! Зевесова кровь!

Был Прокной убит единственный сын,
рождённый для Муз! А ты породил
троих сыновей,
но сам же судьбе настичь их помог!

Ай-ай! Как стенать? Как слёзы пролить?
Какую же песнь убитым пропеть?
И как танцевать у двери в Аид?
Ах, боже ты мой!
Смотри, вот ползут засовы ворот,
являя нам высь раскрашенных стен!
А, что за тоска!
Смотри, вот лежат пред бедным отцом
тела сыновей в остывшей крови!
Как страшно теперь убийца уснул!
Опутана тьмой и пут, и узлов
Гераклова мощь,

а тело его и мрамор колонн
соединены неволей одной!

Но вот идёт старик, шатаясь и стеноя,
как птица некая, по выводку родному,
в гнезде убитому! Как это видеть горько!

- Ам. Кадмейцы, друзья! Оставьте его!
Пускай он поспит, пускай улетит
от страшной беды!
- Хор Мне жалко, старик, тебя и детей!
Несчастный герой, наш светоч побед!
- Ам. Не стойте вы тут! Не надо стучать!
Не надо кричать! А то, не дай бог,
разгоните сон,
сковавший его!
- Хор Тут кровь! Ам. Эй, молчать!
Вы криком своим убьёте меня!
- <Хор> Кровь тянется вверх!
<Ам.> Ну разве нельзя потише кричать?
Ну разве нельзя шептать, старики?
Проснётся ведь он, верёвки порвёт, весь город снесёт,
зарезет отца, и царственный дом сравниет с землёй!
- Хор Нельзя! Ой, нельзя!
- Ам. Да дышит ли он? Я ухо рискну к груди приложить...
- Хор Что, спит он? Ам. Да, спит! Сном гиблым, без сна,
убившим жену и милых детей
под звон тетивы!
- Хор Стеная же, мой друг! Ам. Стенаю! Скорблю!
<Хор> О смерти детей! Ам. Ах, боже ты мой!
<Хор> О сыне своём! <Ам.> Ай-ай! Что за боль!
<Хор> Терпи, старина! Ам. Эй, тише! Молчать!
Он двинул рукой! Приходит в себя!
Скорее бежать! Обрато! Домой!
- Хор Спокойно, старик! На веках ещё колеблется ночь!
- Ам. Смотри же! Смотри! Мне солнечный свет
не жаль покидать в подобной беде,
но если мой сын убьёт и отца,
то новое зло прибавит ко злу,
и кровью родной сильнее разъярит
Эриний смурных!
- Хор Ты должен был пасть, когда для жены
за братьев её к тафийцам ходил
и пламенем жёг их город морской!
- Ам. Бегите, друзья! Скорей во дворец!
Проснулся мой сын
и ярость его!
Он скоро опять кровью кровью зальёт,
град Кадмов начнёт вакхический пляс!
- Хор Ах, Зевс! Ты почему так злобно нападаешь
на сына своего, и гонишь в море бедствий?

Гер.

А!

Я жив, и я дышу, и вижу всё, что нужно —
и землю, и эфир, и брызги жёлтых стрел,
но в сердце всё бурлит, в уме одно смятенье.
Какой-то был провал. Внутри я весь горю
и выдыхаю жар, но будто не из лёгких.
Гляди-ка! Скован я, как в гавани корабль!
Верёвки на руках, на моложавом теле,
полуразрушенный я подпираю дом,
и груды мертвецов соседствует со мною,
разбросаны кругом и стрелы, и мой лук,
а ведь они всегда со мною находились
и берегли меня, и я их так берёг...
Наверное, пройдя по воле Эврисфея
нутро Аидово, я вновь попал в Аид?
Но где же камень здесь, оставленный Сизифом?
Где дочь Деметрова? И где Плутонов жезл?
Что тут произошло? Как я попал в ловушку?
Эй, люди! Эй, друзья! Вы близко? Далеко?
Кто сможет исцелить моё недоуменье?
Я не могу признать родимые места!

Ам.

Ну что же, старики! Войти ли в бездну горя?

Хор

И я с тобою, друг! Ты не пойдёшь один!

Гер.

Что плачешь ты, отец? Зачем смыкаешь веки?

Зачем сторонишься возлюбленного сына?

Ам.

Несчастный ты злодей! Ты всё равно мой сын!

Гер.

Да что произошло? Ты почему так плачешь?

Ам.

От дел твоих, сынок, и бог начнёт рыдать!

Гер.

Ты пышно говоришь, но только непонятно!

Ам.

А посмотри вокруг! Что, разум просветлел?

Гер.

Нисколько. Помоги своим чудесным светом!

Ам.

Забудь Аидов гнев, тогда и будет свет.

Гер.

Ой, как же заскребли под сердцем подозренья...

Ам.

Я должен точно знать, что ты пришёл в себя.

Гер.

А разве из себя куда-то выходил я?

Ам.

Что делать, старики? Снять путы? Подождать?

Гер.

Сними же! Вот позор! Ответь, кто это сделал?

Ам.

Пойми, что сделал *ты*! Забудь об остальном!

Гер.

Но как же мне понять? По твоему молчанию?

Ам.

Ты с трона Геры, Зевс, посмотришь ли на нас?

Гер.

Оттуда, стало быть, дух злобы к нам нисходит?

Ам.

Богиню ты оставь! Своей бедой займись!

Гер.

Мне, видно, ждаться беды! Сейчас такое скажешь...

Ам.

Ты видишь ли детей, лежащих на полу?

Гер.

А, дети! Все мои? Что вижу я, несчастный?

Ам.

Ты, сын, убил детей в невоинской войне!

Гер.

Ты что? В какой войне? Кто сделал эту мерзость?

Ам.

Ты сам, твой меткий лук и кто-то из богов!

Гер.

О чём ты? Это я? Ответь, вещатель бедствий!

Ам.

Ты впал в безумие. Таков мой злой ответ!

Гер. Ну а моя жена? Убил жену я тоже?
Ам. Всё было сделано твоею лишь рукой!
Гер. Ай-ай! Меня здесь нет! Я в облаке стенаний!
Ам. Что за судьба, сынок! Я тоже слёзы лью!
Гер. И дом я развалил вот этими руками?
Ам. Я знаю лишь одно: ты весь погряз в беде!
Гер. Когда же бешенство в меня вонзило жало?
Ам. Когда ты над огнём ладони очищал.
Гер. А! Что же я дрожу за собственную душу,
когда я погубил моих детей любимых?
Что делать мне? Нырнуть с лоснистого утёса?
Всадить широкий меч себе в тугую печень
и так себя казнить за сыновою убитых?
А, может, на костре расстаться с гадкой жизнью,
мне приготовившей подобное бесчестье?
Но вот идёт мешать моим желаньям смертным
Тесей, мой верный друг и родственник бесценный!
Я весь ему явлюсь, и грязь детоубийства
затронет ясный взор любимейшего друга!
Что делать? Как мне быть? Куда бежать от бедствий?
Как птицею мне стать? Как в землю закопаться?
На голову мою наброшу чёрный пепел
и спрячусь от стыда за сделанную мерзость!
Я кровью мертвецов, томимых жаждой мести,
не стану заражать безвинного героя!

ТЕСЕЙ

Пришёл я, старый друг, с афинскими бойцами,
теперь сидящими у светлых струй Асопа,
чтоб сыну твоему помочь в нелёгкой битве!
Молва дошла до нас, в оплот Эрехтеидов,
что Лик тираном стал, и скипетром владеет,
и поднимает меч на славное семейство!
И я пришёл, старик, вознаградить Геракла
за то, что он меня из царства мёртвых вывел,
вот и рука моя, и мощь союзных армий!
Но почему весь пол усыпан мертвецами?
Я, видно, не успел и слишком поздно прибыл
узнать о новом зле! Кто мальчиков зарезал?
А эта женщина... Кому она супруга?
Подростков никогда сражаться не пускают,
отсюда следует, что это преступленье!

Ам. <Владыка> холмов, плодящих оливы!
Тес. Ты почему ко мне так жалобно взываешь?
Ам. Огромное зло послали нам боги!
Тес. Чьи эти мальчики? Ты из-за них рыдаешь?
Ам. Им жизнь подарил мой сын злополучный,
но вскоре их кровь бестрепетно пролил!
Тес. Что ты сказал? Но как? Ам. Отравой стрел свирепых,

обильно смоченных в крови стоголовой гидры!

Тес. Что за безумие! Ам. Мы сгнули, погибли!

Тес. Не надо! Не глупи! Ам. Я рад бы подчиниться!

Тес. Месть Геры, старый друг! А кто там, возле мёртвых?

Ам. То сын мой родной, страдалец несчастный,
помогший богам, как доблестный воин,
гигантов разбить в долинах флегрейских!

Тес. Вот горе! Кто живёт с такой судьбой ужасной?

Ам. Нигде нет людей,
страдавших сильнее, скитавшихся дольше!

Тес. Зачем же пеплосом накрылся он, бедняга?

Ам. Тебя он стыдится,
любви твоей братской,
сыночков убитых!

Тес. Я сострадать пришёл. Сними с него накидку!

Ам. Сыночек родной, сними этот пеплос!
Отбрось ты его, раскройся для солнца!
Я вес моих слёз к твоим прибавляю,
твоей бороды и щёк я касаюсь,
и рук, и колен! Как слёзы струятся
из старческих глаз! Мой бедный сыночек,
смири ты свой гнев безудержный, львиный!
Оставь этот путь безбожный, кровавый!
Не множь, мой родной, печалью печали!

Тес. Довольно! Я тебя, поникшего в страданиях,
прошу немедленно открыть лицо друзьям!
Нет мрака на земле, который тучей чёрной
такое бедствие сумел бы обволочь!
Зачем ты мне рукой на трупы указуешь?
Боишься ты меня общением осквернить?
Могу я и хочу делить с тобою горе,
ведь счастье я делил! Не будем забывать,
что ты меня на свет из царства мёртвых вывел!
Противны мне друзья, в душе которых долг
дряхлает, как старик! Им хочется веселья,
а плыть с тобою в шторм не нужно никому.
Вставай! Открой лицо, залитое слезами!
В глаза мне посмотри! Достойный человек
все происки богов достойно переносит!

Гер. Тесей, а ты видал, что сделал я с детьми?

Тес. Услышал я рассказ, потом уже увидел.

Гер. А солнцу ты зачем открыл моё лицо?

Тес. Зачем? Ты человек, ты бога не испортишь.

Гер. Несчастный, убегай! Во мне ужасный смрад!

Тес. Заботливым друзьям дух мщенья не опасен.

Гер. Спасибо, старина! Я рад, что спас тебя!

Тес. Плачу я жалостью за доброе деянье.

Гер. И правда жалок я! Палач своих детей!

Тес. Я плачу по тебе. Как всё переменилось!

Гер. Ты знал кого-нибудь, кто больше бы страдал?
Тес. Твои страдания вздымаются до неба!
Гер. Поэтому, мой друг, я умереть готов!
<Тес. Но разве эта смерть богам приятна будет?
Гер. Таким предателям! Добраться бы до них!>
Тес. Ты думаешь богов своей угрозой ранить?
Гер. Бог был со мной жесток, и я таков к богам!
Тес. Ты лучше замолчи, а то ухудшишь дело!
Гер. Мой трюм забит бедой, мне больше не вместить.
Тес. Но как поступишь ты? Куда свой гнев направишь?
Гер. Умру, сойду во мрак, откуда и пришёл.
Тес. Так может говорить лишь серый обыватель!
Гер. Легко давать совет, когда ты не страдал!
Тес. И это ты, Геракл? Титан, свернувший горы?
Гер. Но не такие же! Мученьям есть предел!
Тес. Ты ль это? Друг людей? Спаситель всей вселенной?
Гер. Что в этих людях мне? Здесь Гера держит верх!
Тес. Так мелко умереть Эллада не позволит!
Гер. Ты выслушай меня, и я переломлю
все возражения. Тебе я растолкую,
что жизнь моя – не жизнь. И в прошлом, и теперь.
Отец мой посрамлён деяньем непотребным,
он деда моего по матери убил
и матери моей, Алкмене, стал супругом.
Когда фундамент крив, то будет крив и дом,
и не спастись тому, кто будет в нём рождаться.
Сам Зевс мне стал отцом, кто б ни был этот Зевс,
чем Геру разъярил. (Старик, не обижайся!
Считаю я отцом не Зевса, но тебя!)
Когда я был рождён и молоком питался,
то Зевсова жена в кровать мне принесла
жестокоглазых змей, чтоб я погиб от яда.
Когда же я расцвёл и эту плоть надел,
то так погряз в трудах, что, право, тошно вспомнить!
Бросались на меня безжалостные львы,
Гиганты мощные, трёхтелые Тифоны,
кентавров шумный строй, четвероногих, злых!
Я сам расправился и с гидрой многоглавой,
растящей головы, и много совершил
невыполнимых дел, и к мертвецам спускался,
чтоб трёхголовый пёс, Аидов дикий страж,
увидел этот свет по воле Эврисфея!
И вот последний труд! Убийство сыновей!
Великолепье зла! Венец на крыше дома!
Я должен уходить, мне было бы грешно
в любимых Фивах жить. Допустим, я останусь.
В какой пойду я храм? На пир каких друзей?
Там чёрные дела не вызовут приветствий.
Податься в Аргос мне? Но как же? Бросив дом?
Нет, лучше отыскать другой какой-то город.

И там начнут судить, глядеть исподтишка,
язвить, и сплетничать, и жалить горьким словом:
«Не это ль Зевсов сын, прикончивший жену
и собственных детей? Ступал бы он подальше!»
Тому, кто знал успех, превратности судьбы
весьма мучительны, а вечные страдальцы
особо не скорбят, им горе – дом родной.
Мне кажется, со мной такое вот случится:
вскричит сама земля и прикасаться к ней
навек запретит, я не смогу ни моря,
ни рек пересекать, а буду лишь в цепях,
на быстром колесе, как Иксион, вращаться!
Мне лучше убежать от эллинских племён,
с которыми я жил, когда дышал привольней!
К чему мне эта жизнь? Какая польза мне
в существовании бессмысленном, преступном?
Пускай царица душ, Зевсова жена,
стуча сапожками, танцует на Олимпе!
Все козни удались! Мечты воплощены!
Развален пьедестал! Первейший муж Эллады
упал, да в грязь лицом! И кто пойдёт во храм
к богине этакой? Она, ревнуя Зевса,
с обычной женщиной постель не поделив,
изводит храбрецов, Элладу защищавших!
Тебе всю эту боль принёс не кто иной,
как Зевсова жена! Ты верно догадался!
Поможет ли совет в несчастье таком?
Ни смертные, мой друг, от бедствий не свободны,
ни боги, если в том поэтам доверять.
Как боги женятся? Неужто по закону?
Захватывая власть, они своих отцов
стыдятся ли бросать в поганные оковы?
И вот, от их грехов не падает Олимп!
Что скажешь, человек? Ты тем себя терзаешь,
на что самим богам, как видишь, наплевать!
Закон ты признаёшь? Уйди со мной отсюда,
в Палладины края направимся из Фив!
Я там с тебя сотру густые пятна скверны,
с тобою и мой дом, и вещи разделю.
Я получил дары от граждан за спасенье
четырнадцати душ от кносского быка,
я всё отдам тебе. К тому же я владею
наделами земли. Мы именем твоим
наделы назовём и тем тебя возвысим,
пока ты не умрёшь. А спустишься в Аид,
тебя афинский град и жертвами прославит,
и памятник тебе из камня возведёт!
Заслужит мой народ хвалу по всей Элладе,
героя поддержав, спасителя людей!
Вот что я дам тебе в награду за спасенье,

Хор

Тес.

Гер.

когда ты сам, герой, нуждаешься в друзьях!
Пока с тобою бог, то друг тебе не нужен,
и если ласков бог, то и доволен будь.
Моим страданиям всё это не поможет.
О чём тут говорить? Не верю я, что боги
прелюбодействуют, что можно их цепями
сковать. Какая чушь! И как мне согласиться,
что боги рождены повелевать друг другом?
Когда бог вправду бог, не может он нуждаться
ни в чём! И ты не верь поэтам бестолковым!
Я начал понимать, что если я от горя
покину этот мир, то стану жалким трусом!
Кто не противится нахлынувшим несчастьям,
тому не выстоять и под стрелою вражьей!
Я справлюсь, выдержу! В твой город я отправлюсь
и с благодарностью приму твои подарки.
Я столько зла вкусил! Я столько выпил горя!
Всё молча, не кривясь! Я ни одной слезою
глаза не увлажнил! Я даже и не думал,
что и меня прорвёт потоками рыданий!
Мне стать рабом судьбы, наверное, придётся.
И пусть! Гляди, старик! Я уйду в изгнание!
Гляди! Вот человек, моих детей убивший!
Ты их похорони, ты обряди покойных,
слезу по ним пролей (закон мне воспрещает)!
Пускай они лежат в объятьях материнских,
в несчастной общности, убитые невольно
измученным отцом! А после погребенья
останься в городе. Жизнь будет очень тяжкой,
но соберись душой, дели мои страдания!
О, дети! Вас убил ваш собственный родитель,
вам пользы не было в моих делах отважных,
я столько гор свернул, чтоб именем отцовым
вы и прославились, и наслаждались вечно!
А ты, страдальца, такую вот награду
за верность и любовь от мужа получила,
за то, что столько лет мой дом оберегала!
Любимая жена! Прекраснейшие дети!
Что за мучение навеки расставаться
с женою и детьми! Как горько и как сладко
их лица целовать! Как тошно лук мой видеть!
Решить я не могу... Забрать его? Оставить?
Цепляясь за меня, он ведь наверно скажет:
«Ты мной убил детей! Ты мной убил супругу!
Ты носишь на себе своих детей убийцу!»
Ну? Снять его с плеча? А что сказать при этом?
Что я бросаю лук, спасавший всю Элладу,
и от руки врагов ищу позорной смерти?
Нет, надо взять его! И воевать им скорбно!
Я лишь прошу, Тесей, пойти со мною в Аргос

и яростного пса помочь царю доставить,
а то я сам не свой от горя по любимым!
Кадмейская земля! И весь народ фиванский!
Обрежьте волосы, по бедным детям плачьте!
На погребении всех нас вы помяните,
и мёртвых, и меня, в словах одной молитвы,
ведь Гера унесла всех нас одним ударом!

Тес. Вставай, мой бедный друг! Ты вдоволь нарыдался!

Гер. Я что-то не могу! Всё тело, словно камень!

Тес. И лучших силачей судьба ниспровергает!

Гер. Как тяжело мне!
Хочу я камнем стать, не помнящим несчастий!

Тес. Ну всё! Давай ладонь помощнику и другу!

Гер. Моя ладонь в крови! Ты выпачкаешь пеплос!

Тес. Ты кровь сотри! Смелей! Я руку не отдерну!

Гер. Утратив сыновей, в тебе нашёл я сына!

Тес. Я поведу тебя. Ты обхвати мне шею!

Гер. Упряжка двух друзей! Надёжного с несчастным!
Старик, ты посмотри! Ищи такого друга!

Ам. Как доблестна земля, в которой ты родился!

Гер. Повремени, Тесей! Дай к детям повернуться!

Тес. Зачем же? Эту боль не снять лекарством взгляда!

Гер. Мне нужно посмотреть! Отца обнять мне нужно!

Ам. Я тут, сыночек мой! Обнимемся скорее!

Тес. Ты разве позабыл, как плакал и метался?

Гер. Нисколько! Тех минут вся жизнь не перевесит!

Тес. Не раздражай людей! Не превращайся в бабу!

Гер. Ты думаешь, я слаб? Ты раньше так не думал!

Тес. Ты больно не похож на славного Геракла!

Гер. А как же ты стонал, когда сидел в Аиде?

Тес. Всё правда, старина! Я был царём всех трусов!

Гер. Зачем же говорить, что я унижен горем?

Тес. Идём! Гер. Прощай, старик! Ам. И ты прощай, сыночек!

Гер. Ты погреби детей! Ам. А кто меня схоронит?

Гер. Я сам, отец. Ам. Когда? Гер. Когда ты жизнь окончишь.

Ам. Но как? Гер. Тебя из Фив доставлю я в Афины.
Детей ты в дом неси, земле принять их тяжело.
Позорно дом сгубив, я сам пропал позорно!
Тесей меня ведёт, как лодку на буксире!
Кто преданных друзей оценивает ниже,
чем золото и власть, тот мудростью не блещет!

Хор Мы уходим, стеная и плача,
мы ведь лучших друзей потеряли!

7.04-21.10.2019, Брисбен, Флоренция, Иерусалим, Москва